

БИЛИНГВА

слушаем, читаем,
понимаем

Гилберт Кит
Честертон
Детективные
расследования
отца Брауна

Gilbert Keith
Chesterton
Best Investigations
of Father Brown

МОСКВА
2017

УДК 811.111(075.4)
ББК 81.2Англ-93
Ч-51

Перевод с английского
В. Стенича, Н. Трауберг, В. Хинкиса
Составление словаря, упражнений
и комментариев *А.М. Осиной*
Иллюстрация на обложке *В. Тимофеевой*
Дизайн обложки *Ю. Щербакова*

Честертон, Гилберт.

Ч-51 Детективные расследования отца Брауна : [парал. текст на англ. и рус. яз. : учебное пособие] / Г. К. Честертон ; [пер. с англ. В. Стенича, Н. Трауберг, В. Хинкиса, словарь, упражнения, комментарии А. М. Осиной]. — Москва : Эксмо, 2017. — 256 с. + CD. — (Билингва. Слушаем, читаем, понимаем).

ISBN 978-5-699-91490-6

Сборник состоит из рассказов о самых захватывающих расследованиях отца Брауна, в полной мере раскрывающих суть его уникального метода. Наслаждаясь историями о запутанных преступлениях, великолепным слогом и прекрасным стилем Г.К. Честертонa, вы улучшите свой английский, освоите новую лексику, научитесь правильно употреблять устойчивые выражения. Параллельный перевод на русский подскажет, как перевести «непереводимую» игру слов. Читая и слушая тексты на английском языке, вы улучшите свои навыки чтения и восприятия на слух иноязычной речи. Для углубления знаний английского и облегчения понимания текста предлагаются упражнения и словарь.

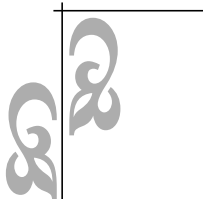
Книга будет интересна и полезна школьникам, абитуриентам, студентам, преподавателям, а также всем, кто изучает английский язык самостоятельно.

УДК 811.111(075.4)
ББК 81.2Англ-93

ISBN 978-5-699-91490-6

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

Contents

THE SECRET OF FATHER BROWN ТАЙНА ОТЦА БРАУНА (Перевод В.И. Стенича).....	4
THE MIRROR OF THE MAGISTRATE ЗЕРКАЛО СУДЬИ (Перевод В.А. Хинкиса)	22
THE ACTOR AND THE ALIBI АЛИБИ АКТРИСЫ (Перевод В.И. Стенича).....	74
THE RED MOON OF MERU АЛЯЯ ЛУНА МЕРУ (Перевод Н.Л. Трауберг).....	118
THE CHIEF MOURNER OF MARNE ПОСЛЕДНИЙ ПЛАКАЛЬЩИК (Перевод Н.Л. Трауберг).....	158
THE SECRET OF FLAMBEAU ТАЙНА ФЛАМБО (Перевод В.И. Стенича).....	208
Commentaries	224
Exercises	225
English-Russian Vocabulary	241

The Secret of Father Brown

Тайна отца Брауна

Flambeau, once the most famous criminal in France and later a very private detective in England, had long retired from both professions. Some say a career of crime had left him with too many scruples for a career of detection. Anyhow, after a life of romantic escapes and tricks of evasion, he had ended at what some might consider an appropriate address: in a castle in Spain. The castle, however, was solid though relatively small; and the black vineyard and green stripes of kitchen garden covered a respectable square on the brown hillside. For Flambeau, after all his violent adventures, still possessed what is possessed by so many Latins, what is absent (for instance) in so many Americans, the energy to retire. It can be seen in many a large hotel-proprietor whose one ambition is to be a small peasant. It can be seen in many a French provincial shopkeeper, who pauses at the moment when he might develop into a detestable millionaire and buy a street of shops, to fall back quietly and comfortably on domesticity and dominoes. Flambeau had casually and almost abruptly fallen in love with a Spanish Lady, married and brought up a large family on a Spanish estate, without displaying any apparent desire to stray again beyond its borders. But on one particular morning he was observed by his family to be unusually restless and excited; and he outran the little boys and descended the greater part of the long mountain slope to meet the visitor

Фламбо — один из самых знаменитых преступников Франции, а впоследствии частный сыщик в Англии, давно уже бросил обе эти профессии. Говорили, что преступное прошлое не позволяло ему стать строгим к преступнику. Так или иначе, покинув стезю романтических побегов и сногшибательных приключений, он поселился, как ему и подобало, в Испании, в собственном замке. Замок, однако, был весьма основателен, хотя и невелик, а на буром холме чернел квадрат виноградника и зеленели полосы грядок. Несмотря на свои бурные похождения, Фламбо обладал свойством, присущим многим латинянам и незнакомым, например, американцам: он умел уйти от суеты. Так владелец крупного отеля мечтает завести на старости маленькую ферму, а лавочник из французского местечка останавливается в тот самый миг, когда мог бы стать мерзавцем-миллионером и скупить все лавки до единой, и проводит остаток дней дома за домино. Случайно и почти внезапно Фламбо влюбился в испанку, женился на ней, приобрел поместье и зажил семейной жизнью, не обнаруживая ни малейшего желания вновь пуститься в странствия. Но в одно прекрасное утро семья его заметила, что он сильно возбужден и встревожен. Он вышел погулять с мальчиками, но вскоре обогнал их и бросился вниз с холма навстречу какому-то человеку, пересекавшему долину, хотя человек этот казался не больше черной точки.

who was coming across the valley; even when the visitor was still a black dot in the distance.

The black dot gradually increased in size without very much altering in the shape; for it continued, roughly speaking, to be both round and black. The black clothes of clerics were not unknown upon those hills; but these clothes, however clerical, had about them something at once commonplace and yet almost jaunty in comparison with the cassock or soutane, and marked the wearer as a man from the northwestern islands, as clearly as if he had been labelled "Clapham Junction". He carried a short thick umbrella with a knob like a club, at the sight of which his Latin friend almost shed tears of sentiment; for it had figured in many adventures that they shared long ago. For this was the Frenchman's English friend, Father Brown, paying a long-desired but long-delayed visit. They had corresponded constantly, but they had not met for years.

Father Brown was soon established in the family circle, which was quite large enough to give the general sense of company or a community. He was introduced to the big wooden images of the Three Kings, of painted and gilded wood, who bring the gifts to the children at Christmas; for Spain is a country where the affairs of the children bulk large in the life of the home. He was introduced to the dog and the cat and the live-stock on the farm. But he was also, as it happened, introduced to one neighbour who, like himself, had brought into that valley the garb and manners of distant lands.

It was on the third night of the priest's stay at the little château that he beheld a stately stranger who paid his respects to the Spanish household with bows that no Spanish grandee could emulate. He was a tall, thin grey-haired and very handsome gentleman, and his hands, cuffs and cufflinks had something overpowering in their polish. But his long face had nothing of that languor which is associated with long cuffs and manicuring in the caricatures of our own country. It was rather arrestingly alert and keen; and the eyes had an innocent intensity of inquiry that does not go often with grey hair. That alone might have marked the man's nationality, as well as the nasal note in his

Точка постепенно увеличивалась, почти не меняя очертаний, — попросту говоря, она оставалась все такой же черной и круглой. Черная сутана не была тут в диковинку, но сутана приезжего выглядела как-то особенно буднично и в то же время приветливо по сравнению с одеждами местного духовенства, изобличая в новоприбывшем жителя британских островов. В руках он держал короткий пухлый зонтик с тяжелым круглым набалдашником, при виде которого Фламбо чуть не расплакался от умиления, ибо этот зонтик фигурировал во многих их совместных приключениях былых времен. Священник был английским другом Фламбо, отцом Брауном, который давно собирался приехать и все никак не мог. Они постоянно переписывались, но не виделись несколько лет.

Вскоре отец Браун очутился в центре семейства, которое было так велико, что казалось целым племенем. Его познакомили с деревянными позолоченными волхвами, которых дарят детям на Рождество; познакомили с собакой, кошкой и обитателями скотного двора; познакомили с соседом, который, как и сам Браун, отличался от здешних жителей и манерами, и одеждой.

На третий день пребывания гостя в маленьком замке туда явился посетитель и принялся отвечать испанскому семейству поклоны, которым позавидовал бы испанский гранд. То был высокий, седовласый, очень красивый джентльмен с ослепительно сверкающими ногтями, манжетами и запонками. Однако в его длинном лице не было и следа той томности, которую наши карикатуристы связывают с белоснежными манжетами и маникюром. Лицо у него было удивительно живое и подвижное, а глаза смотрели зорко и прямо, что весьма редко сочетается с седыми волосами. Это одно могло бы уже определить национальность посетителя, равно как и некоторая гну-

refined voice and his rather too ready assumption of the vast antiquity of all the European things around him. This was, indeed, no less a person than Mr Grandison Chace, of Boston, an American traveller who had halted for a time in his American travels by taking a lease of the adjoining estate; a somewhat similar castle on a somewhat similar hill. He delighted in his old castle, and he regarded his friendly neighbour as a local antiquity of the same type. For Flambeau managed, as we have said, really to look retired in the sense of rooted. He might have grown there with his own vine and fig-tree for ages. He had resumed his real family name of Duroc; for the other title of "The Torch" had only been a title de guerre*, like that under which such a man will often wage war on society.

He was fond of his wife and family; he never went farther afield than was needed for a little shooting; and he seemed, to the American globe-trotter, the embodiment of that cult of a sunny respectability and a temperate luxury, which the American was wise enough to see and admire in the Mediterranean peoples. The rolling stone from the West was glad to rest for a moment on this rock in the South that had gathered so very much moss.

But Mr Chace had heard of Father Brown, and his tone faintly changed, as towards a celebrity. The interviewing instinct awoke, tactful but tense. If he did try to draw Father Brown, as if he were a tooth, it was done with the most dexterous and painless American dentistry.

They were sitting in a sort of partly unroofed outer court of the house, such as often forms the entrance to Spanish houses. It was dusk turning to dark; and as all that mountain air sharpens suddenly after sunset, a small stove stood on the flagstones, glowing with red eyes like a goblin, and painting a red pattern on the pavement; but scarcely a ray of it reached the lower bricks of the great bare, brown brick wall that went soaring up above them into the deep blue night. Flambeau's big broad-shouldered figure and great moustaches, like sabres, could be traced dimly

савость, портившая его изысканную речь, и слишком близкое знакомство с европейскими достопримечательностями. Да, это был сам Грэндисон Чейс из Бостона, американский путешественник, отдыхающий от путешествий в точно таком же замке на точно таком же холме. Здесь, в своем поместье, он наслаждался жизнью и считал своего радушного соседа одной из местных древностей. Ибо Фламбо, как мы уже говорили, удалось глубоко пустить в землю корни, и казалось, что он провек среди своих виноградников и смоковниц. Он вновь назывался своим настоящим именем — Дюрок, ибо «Фламбо», то есть «факел», было только псевдонимом, под которым такие, как он, ведут войну с обществом.

Он обожал жену и детей, из дому уходил только на охоту и казался американскому путешественнику воплощением той респектабельной жизнерадостности, той разумной любви к достатку, которую американцы признают и почитают в средиземноморских народах. Камень, прикатившийся с Запада, был рад отдохнуть возле южного камня, который успел образиться таким пышным мхом.

Мистеру Чейсу довелось слышать о Брауне, и он заговорил с ним особым тоном, к которому прибегал при встрече со знаменитостями. Инстинкт интервьюера — сдержанный, но неукротимый — проснулся в нем. Он вцепился в Брауна, как щипцы в зуб, — надо признать, абсолютно без боли и со всей ловкостью, свойственной американским дантистам.

Они сидели во дворике, под навесом (в Испании часто входят в дом через наполовину крытые внутренние дворики). Смеркалось. После заката в горах сразу становится холодно, и потому здесь стояла небольшая печка, мигая красным глазом, словно гном, и рисуя на плоских плитах рдеющие узоры. Но ни один отсвет огня не достигал даже нижних кирпичей высокой голый стены, уходившей над ними в темно-синее небо. В полумраке смутно вырисовывались широкие плечи и большие, как сабли, усы Фламбо, который то и дело поднимался, цедил из

in the twilight, as he moved about, drawing dark wine from a great cask and handing it round. In his shadow, the priest looked very shrunken and small, as if huddled over the stove; but the American visitor leaned forward elegantly with his elbow on his knee and his fine pointed features in the full light; his eyes shone with inquisitive intelligence.

“I can assure you, sir,” he was saying, “we consider your achievement in the matter of the Moonshine Murder the most remarkable triumph in the history of detective science.”

Father Brown murmured something; some might have imagined that the murmur was a little like a moan.

“We are well-acquainted,” went on the stranger firmly, “with the alleged achievements of Dupin and others; and with those of Lecoq, Sherlock Holmes, Nicholas Carter, and other imaginative incarnations of the craft. But we observe there is in many ways, a marked difference between your own method of approach and that of these other thinkers, whether fictitious or actual. Some have spec’lated, sir, as to whether the difference of method may perhaps involve rather the absence of method.”

Father Brown was silent; then he started a little, almost as if he had been nodding over the stove, and said, “I beg your pardon. Yes. Absence of method... Absence of mind, too, I’m afraid.”

“I should say of strictly tabulated scientific method,” went on the inquirer. “Edgar Poe throws off several little essays in a conversational form, explaining Dupin’s method, with its fine links of logic. Dr Watson had to listen to some pretty exact expositions of Holmes’s method with its observation of material details. But nobody seems to have got on to any full account of your method, Father Brown, and I was informed you declined the offer to give a series of lectures in the States on the matter.”

“Yes,” said the priest, frowning at the stove, “I declined.”

бочки темное вино и разливал его в бокалы. Священник, склонившийся над печкой, казался совсем маленьким в его тени. Американец ловко нагнулся вперед, опершись локтем о колено; его тонкое, острое лицо было освещено, глаза по-прежнему сверкали умом и любопытством.

— Смею заверить вас, сэр, — говорил он, — что ваше участие в расследовании убийства человека о двух бородах — одно из величайших достижений научного сыска.

Отец Браун пробормотал что-то невнятное, а может быть, застонал.

— Мы знакомы, — продолжал американец, — с достижениями Дюпена, Лекока, Шерлока Холмса, Ника Картера и прочих вымышленных сыщиков. Но мы видим, что ваш метод очень отличается от методов других детективов — как вымышленных, так и настоящих. Кое-кто даже высказывал предположение, что у вас просто нет метода.

Отец Браун помолчал, потом слегка шевельнулся или просто подвинулся к печке и сказал:

— Простите... Да. Нет метода... Боюсь, что у них нет разума.

— Я имел в виду строго научный метод, — продолжал его собеседник. — Эдгар По в превосходных диалогах пояснил метод Дюпена, всю прелесть его железной логики. Доктору Ватсону приходилось выслушивать от Холмса весьма точные разъяснения с упоминанием мельчайших деталей. Но вы, отец Браун, кажется, никому не открыли вашей тайны. Мне говорили, что вы отказались читать в Америке лекции на эту тему.

— Да, — ответил священник, хмуро глядя на печку, — казался.

“Your refusal gave rise to a remarkable lot of interesting talk,” remarked Chace. “I may say that some of our people are saying your science can’t be expounded, because it’s something more than just natural science. They say your secret’s not to be divulged, as being occult in its character.”

“Being what?” asked Father Brown, rather sharply.

“Why, kind of esoteric,” replied the other. “I can tell you, people got considerably worked up about Gallup’s murder, and Stein’s murder, and then old man Merton’s murder, and now Judge Gwynne’s murder, and a double murder by Dalmon, who was well-known in the States. And there were you, on the spot every time, slap in the middle of it; telling everybody how it was done and never telling anybody how you knew. So some people got to think you knew without looking, so to speak. And Carlotta Brownson gave a lecture on Thought-Forms with illustrations from these cases of yours. The Second Sight Sisterhood of Indianapolis —”

Father Brown was still staring at the stove; then he said quite loud yet as if hardly aware that anyone heard him, “Oh, I say. This will never do.”

“I don’t exactly know how it’s to be helped,” said Mr Chace humorously. “The Second Sight Sisterhood want a lot of holding down. The only way I can think of stopping it is for you to tell us the secret after all.”

Father Brown groaned. He put his head on his hands and remained a moment, as if full of a silent convulsion of thought. Then he lifted his head and said in a dull voice, “Very well. I must tell the secret.”

His eyes rolled darkly over the whole darkling scene, from the red eyes of the little stove to the stark expanse of the ancient wall, over which were standing out, more and more brightly, the strong stars of the south.

— Ваш отказ вызвал массу толков! — подхватил Чейс. — Кое-кто у нас говорил, что ваш метод нельзя объяснить, потому что он больше, чем метод. Говорили, что вашу тайну нельзя раскрыть, так как она оккультная.

— Какая она? — переспросил отец Браун довольно хмуро.

Ну, непонятная для непосвященных, — пояснил Чейс. — Надо вам сказать, у нас в Штатах как следует поломали голову над убийством Галлупа и Штейна, и над убийством старика Мертона, и над убийством судьи Гвинна, и над двойным преступлением Дэлмона. А вы всегда попадали в самую гущу и раскрывали тайну, но никому не говорили, откуда вам все известно. Естественно, многие решили, что вы, так сказать, все знаете не глядя. Карлотта Браунсон иллюстрировала эпизодами из вашей деятельности свою лекцию о формах мышления. А «Общество сестер-духовидиц» в Индианаполисе...

Отец Браун вес еще глядел на печку, наконец он сказал громко, но так, словно его никто не слышал:

— Ох! К чему это?!

— Этому горю не поможешь! — добродушно улыбнулся мистер Чейс. — У наших духовидиц хватка железная. По-моему, хотите покончить с болтовней — откройте вашу тайну.

Отец Браун шумно вздохнул. Он уронил голову на руки, словно ему стало трудно думать. Потом поднял голову и глухо сказал:

— Хорошо! Я открою тайну.

Он обвел потемневшими глазами темнеющий дворик — от багровых глаз печки до древней стены, на которой все ярче блистали ослепительные южные звезды.

“The secret is,” he said; and then stopped as if unable to go on. Then he began again and said: “You see, it was I who killed all those people.”

“What?” repeated the other, in a small voice out of a vast silence.

“You see, I had murdered them all myself,” explained Father Brown patiently. “So, of course, I knew how it was done.”

Grandison Chace had risen to his great height like a man lifted to the ceiling by a sort of slow explosion. Staring down at the other he repeated his incredulous question.

“I had planned out each of the crimes very carefully,” went on Father Brown, “I had thought out exactly how a thing like that could be done, and in what style or state of mind a man could really do it. And when I was quite sure that I felt exactly like the murderer myself, of course I knew who he was.”

Chace gradually released a sort of broken sigh.

“You frightened me all right,” he said. “For the minute I really did think you meant you were the murderer. Just for the minute I kind of saw it splashed over all the papers in the States: ‘Saintly Sleuth Exposed as Killer: Hundred Crimes of Father Brown.’ Why, of course, if it’s just a figure of speech and means you tried to reconstruct the psychology —”

Father Brown rapped sharply on the stove with the short pipe he was about to fill; one of his very rare spasms of annoyance contracted his face.

“No, no, no,” he said, almost angrily; “I don’t mean just a figure of speech. This is what comes of trying to talk about deep things. What’s the good of words?.. If you try to talk about a truth that’s merely moral, people always think it’s merely metaphorical. A real live man with two legs once said to me, ‘I only believe in the Holy Ghost in a spiritual sense.’ Naturally, I said, ‘In what other sense

— Тайна, — начал он и замолчал, точно не мог продолжать. Потом собрался с силами и сказал. — Понимаете, всех этих людей убил я сам.

— Что? — сдавленным голосом спросил Чейс.

— Я сам убил всех этих людей, — кротко повторил отец Браун. — Вот я и знал, как все было.

Грэндисон Чейс выпрямился во весь свой огромный рост, словно подброшенный медленным взрывом. Не сводя глаз с собеседника, он еще раз спросил недоверчиво: — Что?

— Я тщательно подготовил каждое преступление, — продолжал отец Браун. — Я упорно думал над тем, как можно совершить его, в каком состоянии должен быть человек, чтобы его совершить. И когда я знал, что чувствую точно так же, как чувствовал убийца, мне становилось ясно, кто он.

Чейс прерывисто вздохнул.

— Ну и напугали вы меня! — сказал он. — Я на минуту поверил, что вы действительно их поубивали. Я так и увидел жирные заголовки во всех наших газетах: «Сыщик в сутане — убийца. Сотни жертв отца Брауна». Что ж, это хороший образ. Вы хотите сказать, что каждый раз пытались восстановить психологию.

Отец Браун сильно ударил по печке своей короткой трубкой, которую только что собирался набить. Лицо его искривилось, а это бывало с ним очень редко.

— Нет, нет, нет! — сказал он чуть ли не гневно. — Никакой это не образ. Вот что получается, когда заговоришь о серьезных вещах. Просто хоть не говори! Стоит завести речь о какой-нибудь нравственной истине, и вам сейчас же скажут, что вы выражаетесь образно. Один человек — настоящий, двуногий — сказал мне как-то: «Я верю в Святого Духа лишь в ду-